

Н.В.Работяжев, Э.Г.Соловьев
ОТ «ВОЗВРАЩЕНИЯ
В МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ»
К «СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»:
ЭВОЛЮЦИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
РОССИЙСКИХ «ПАРТИЙ ВЛАСТИ»¹

Ключевые слова: Россия, «партия власти», внешнеполитические установки, консерватизм

¹ *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?»).*

На протяжении последних двух десятилетий в России сменилось несколько «партий власти». На смену «Выбору России» (и созданной одновременно с ним Партии российского единства и согласия) пришло движение «Наш дом — Россия», впоследствии влившееся в блок «Единство», который затем трансформировался в «Единую Россию». В организационном плане все эти политические образования имели немало общего — они формировались сверху структурами исполнительной власти, опирались на административный ресурс и должны были служить опорой курса президента и правительства в Государственной Думе. В то же время между этими партиями можно обнаружить серьезные идеологические различия, отражавшие в том числе мировоззренческую эволюцию российского правящего класса.

В связи с этим изучение программных установок российских «партий власти», бесспорно, представляет значительный интерес. Конечно, охватить все аспекты их идеологий в рамках одной статьи невозможно, поэтому авторы сфокусировали свое внимание на внешнеполитических установках соответствующих структур. Этот ракурс рассмотрения проблемы обусловлен прежде всего тем, что модернизация России (о которой постоянно говорят первые лица государства) в немалой степени зависит от умелого использования внешнеполитических и внешнеэкономических ресурсов. Модернизация в нашей стране (с учетом исторического опыта и предшествующих модернизационных рывков царской России и даже Советского Союза) никогда не осуществлялась с опорой только на собственные силы. Да и все успешные модернизационные проекты в мире за последние 50 лет являлись результатом не только концентрации внутренних ресурсов приступивших к реформам государств, но и активного использования внешних факторов. В этих условиях, на наш взгляд, исследование внешнеполитиче-

ской программатике российских «партий власти» приобретает особую актуальность.

**Курс
на сближение
с Западом:
«Выбор России»**

Поиски политической опоры российского посткоммунистического режима начались далеко не сразу за событиями августа 1991 г. После запрета КПСС Борису Ельцину не было никакой нужды идентифицировать себя с какой-либо конкретной партией или организацией. В рамках переходной политической системы постсоветской России президент находил достаточно прочную социальную и политическую базу как в широком демократическом движении, так и в рыночно ориентированной части постсоветской номенклатуры. Одновременно в качестве ключевой внешнеполитической установки был провозглашен лозунг «демократической солидарности» со странами Запада. Взамен такого идеологизированного курса российское руководство рассчитывало получить от этих стран финансовую помощь на проведение реформ и эффективную политическую поддержку.

В соответствии с представлениями творцов данного курса, Запад должен был помочь России решить стоящие перед ней задачи коренной политической и социально-экономической модернизации. Ожидалось, что, будучи не заинтересован (как тогда считалось) в ее ослаблении и опасаясь неконтролируемого развития ситуации, он будет просто вынужден предложить ей своего рода новый «план Маршалла».

Как утверждали официальные лица, и в первую очередь сам Ельцин, а также его рупор в области внешней политики Андрей Козырев, для демократической России США и другие западные демократии — столь же естественные друзья и союзники (по крайней мере, в перспективе), как они были врагами для тоталитарного СССР. Декларировалось, что союзническим отношениям с Америкой или, во всяком случае, курсу на «стратегическое партнерство» нет альтернативы². В результате поведение России на международной арене стало определяться в тот период не только прагматическими соображениями или национальными интересами. Казалось важным продемонстрировать антикоммунизм, зарекомендовать себя «настоящими радикальными реформаторами», которых, по выражению тогдашнего премьера Егора Гайдара, «интересует не столько российская государственность, сколько российская демократия»³. В качестве приоритетных целей политики России выдвигались задачи формирования открытого демократического государства и интеграции его в западное сообщество, в структуры и институты, обеспечивающие стабилизацию неустойчивого постбиполярного мира в рамках «нового мирового порядка».

Кроме того, в окружении президента полагали, что окончание холодной войны неизбежно приведет к гармонизации международных отношений, исчезновению серьезных военно-политических и иных противоречий между государствами, принадлежащими теперь к единому, демократическому миру. Концепция «конца истории» Фрэнсиса Фуку-

² См., напр. Козырев 1994

³ Цит. по: Лукин, Уткин 1995: 127.

ямы пользовалась в те годы в России широкой популярностью, особенно на демократическом фланге отечественного политического спектра. Подобные представления предопределили своеобразную логику действий российского руководства начала 1990-х годов. И хотя в этой логике оставались лакуны, необъяснимые даже с точки зрения «демократической солидарности» (например, пренебрежение развитием взаимовыгодных отношений с Индией и рядом стран третьего мира), в целом внешнеполитический курс первых лет существования РФ был достаточно последовательным и предсказуемым. Главное, что его отличало, это стремление продемонстрировать решительный разрыв с советским прошлым. Вместе с тем внешняя политика должна была способствовать решению корпоративных задач, стоявших перед разными сегментами правящей элиты страны. И в этом смысле, по заключению многих экспертов, политический курс начала 1990-х годов оказался вполне эффективным, обеспечив не только становление нового субъекта внешней политики — Российской Федерации, но и международную легитимацию его правящих кругов⁴.

⁴ См. об этом Косолапов 2001.

Впрочем, с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что как в двусторонних отношениях с Соединенными Штатами, так и по ключевым вопросам мировой политики его итоги для нашего государства были далеко не блестящими. И уже к 1994 г. в отношениях между Россией и Западом стали накапливаться довольно серьезные проблемы. Официально объявленные Козыревым «союзническими», а затем скорректированные до «зрелых партнерских» отношения с США не дали ощутимых результатов ни в экономической сфере, ни в плане подключения России к реальным механизмам обеспечения безопасности в Европе. Надежды на широкомасштабную финансовую поддержку Западом российских реформ не оправдались — США и ведущие страны ЕС «не сделали ровным счетом ничего, чтобы помочь России в самый важный период ее трансформации...»⁵. Несмотря на все усилия российского руководства, не удалось предотвратить расширение НАТО на восток, создать на основе СБСЕ/ОБСЕ альтернативную систему европейской безопасности и т. д.

⁵ Родионов 2012.

Тем не менее идеологизированная политика 1991—1993 гг. получила однозначную поддержку со стороны проельцинского избирательного блока «Выбор России», по сути став его внешнеполитической платформой. От последующих «партий власти» «Выбор России» отличался достаточно ясно артикулированными принципами и идеологией, что во многом объяснялось ситуативными факторами: этот блок возник на фоне острого политического кризиса, вызванного противостоянием президента и парламента. Грядущее объединение демократических сил было анонсировано 17 июня 1993 г. на совместной пресс-конференции экс-председателя правительства Гайдара, первого вице-премьера Владимира Шумейко, а также известных своими радикально-демократическими взглядами народных депутатов Льва Пономарева и Сергея Юшенкова. А учредительный съезд блока «Выбор России» и одноименного движения, лидером которого стал Гайдар, состоялся 16—17 октяб-

ря 1993 г., то есть уже после подавления бунта распущенного Ельциным Верховного совета.

В обстановке осени 1993 г. идеологизированность «партии власти» вписывалась в общую логику событий. После расстрела «Белого дома» и деморализации оппозиции Ельцин остро нуждался в закреплении достигнутых результатов, в том числе и посредством создания твердого парламентского большинства. Разгром антиельцинской оппозиции в октябре 1993 г. должен был быть легитимирован электоральным успехом блока, поднимавшего на щит лозунги углубления процесса демократизации, ускорения либеральных социально-экономических реформ и т.д. Коррелятом ускорения и углубления преобразований внутри страны выступало продолжение политики «демократической солидарности» на мировой арене. Связанный с именем Козырева курс на максимальное сближение с США и «цивилизованными» странами Запада пользовался безусловной поддержкой политического руководства блока, преобразовавшегося после ряда расколов в партию «Демократический выбор России» (1994 г.).

Западный консерватизм на российской почве: ПРЕС

Отчетливо проправительственный характер носила и образованная в октябре 1993 г. Партия российского единства и согласия (ПРЕС), которую возглавил председатель Государственного комитета РФ по национальной политике Сергей Шахрай. Наряду с чиновниками федерального и регионального уровней, в партию вошла группа лидеров объединения «Предприниматели за новую Россию» во главе с бывшим комсомольским функционером Константином Затулиным, а также некоторые другие общественные организации и движения. Идеологическую линию партии определял известный политолог, исследователь американского неоконсерватизма Вячеслав Никонов.

В отличие от радикально-либерального «Выбора России», ПРЕС задумывалась как лояльная президенту консервативная партия (изначально Шахрай даже собирался назвать ее Общероссийской консервативной партией). Однако лидеры ПРЕС весьма смутно представляли себе, что такое российский консерватизм и какие отечественные традиции и институты нуждаются в консервации. «Мы хотим быть консервативной партией, — констатировал один из партийных активистов в ноябре 1993 г., — однако пока существует слишком мало того, что следует сохранять»⁶. Создателям новой политической структуры было ясно только одно: ее идеология не должна иметь ничего общего с той версией отечественного консерватизма, которая была представлена фракцией «Российское единство» Съезда народных депутатов и вместе с ним потерпела поражение в октябре 1993 г. В итоге руководство ПРЕС встало на путь широкого заимствования концептов западного консерватизма, по-видимому рассматривая его в качестве универсальной модели консервативной идеологии.

На выборах 1993 г. ПРЕС набрала 6,7% голосов по федеральному списку и вместе с одномандатниками и примкнувшими депутатами

⁶ Цит. по: Маколи 1995: 109.

смогла сформировать собственную фракцию в Государственной Думе. Во всех ответственных голосованиях в Думе эта фракция демонстрировала безоговорочную лояльность Кремлю, что отнюдь не способствовало росту ее политического влияния. К моменту начала подготовки к очередным думским выборам ПРЕС, дополнительно ослабленная рядом внутривнутрипартийных расколов, уже не рассматривалась в верхах как перспективный политический проект. Однако очевидный кризис партии никак не повлиял на личные амбиции ее лидера. Будучи неудовлетворен предложенным ему количеством мест в федеральных списках нового кремлевского проекта под названием «Наш дом — Россия», Шахрай решил идти на выборы самостоятельно. Как и следовало ожидать, эта попытка не увенчалась успехом: на выборах декабря 1995 г. ПРЕС получила всего 0,36% голосов и в дальнейшем окончательно маргинализировалась.

⁷ Никонов, Шахрай
1994.

Установки ПРЕС в сфере внешней политики, как и во внутренних делах, заметно отличались от подходов «Выбора России». Об этом свидетельствует, в частности, содержание раздела «Россия и мир» «Консервативного манифеста» Никонова и Шахрая⁷, где излагалась политическая философия партии. Так, в Манифесте постулировалось, что Российская Федерация «обречена на роль великой державы в силу своего геополитического положения». Более того, его авторы не видели «ничего зазорного в российском патриотизме, если только он не превращается в шовинизм», доказывая, что «идея величия России ничуть не менее обоснованна, чем идеи величия Франции или „американской мечты“...». Между тем у идеологов «Выбора России» со словом «патриотизм» были связаны преимущественно негативные коннотации.

В «Консервативном манифесте», по сути, отвергались все ключевые послышки, лежавшие в основе внешнеполитического курса Козырева. «Надежды на „беспольярный“ мир, сообщество всеобщей гармонии и сотрудничества, на интеграцию России в сообщество цивилизованных наций, объединяемых понятием Запад, на чем строились концепции „общеевропейского дома“, инициативы по роспуску военно-политических блоков, оказались иллюзиями», — утверждали Никонов и Шахрай, настаивая на необходимости деидеологизации внешней политики. «Мы являемся сторонниками максимально прагматического подхода к международным делам, опирающегося на принцип „государственного интереса“ и учет реальных возможностей страны, — подчеркивали они. — Должны быть исключены идеологические крестовые походы, попытки принести интересы, а тем более — жизни наших сограждан в жертву конъюнктурным политическим схемам». В своей деятельности за рубежом российское государство должно ставить во главу угла экономические интересы отечественных промышленников и предпринимателей, их продвижение на мировые рынки. При этом следует «окончательно расстаться с иллюзией, будто значительная часть средств, необходимых для модернизации российской экономики, может быть получена извне».

Резкой критике в Манифесте был подвергнут и американоцентризм, характерный для российской внешней политики 1991—1994 гг.

Квалифицировав подобный курс как бесперспективный геостратегически и экономически, Никонов и Шахрай доказывали, что «Россия не сможет занять подобающего ей места в мире, если она перестанет считать приоритетом взаимодействие с основными центрами силы Европы и Азии, а не только Северной Америки». Более того, с их точки зрения, приоритетами для России должны были стать отношения со странами СНГ и Восточной Азии⁸.

⁸ Там же.

Державнический уклон во внешнеполитических воззрениях лидеров ПРЕС объяснялся отнюдь не их тяготением к отечественной державно-патриотической традиции. Стремясь привить на российской почве консерватизм западного типа, идеологи партии не могли не воспроизвести и фундаментальные внешнеполитические установки американских и европейских консерваторов. Современному же западному консерватизму, по словам Никонова, присуще сочетание «приверженности либеральным экономическим принципам с государственно-патриотическим подходом и стремлением к наступательной внешней политике»⁹. Соответственно, идеология ПРЕС, скроенная по этим лекалам, также должна была ориентироваться на геополитический реализм и отстаивание национальных интересов. Впрочем, во внешнеполитических пассажах «Консервативного манифеста» просматривалось и разочарование части российской элиты результатами козыревской внешней политики 1991—1994 гг.

⁹ *Есть ли будущее 2000.*

**Умеренное
государствен-
ничество: «Наш
дом — Россия»**

К началу 1995 г. стало ясно, что ни ПРЕС Шахрая, ни «Демократический выбор России» Гайдара не смогут составить политическую базу режима на ближайшие годы. Создание «партии власти» пришлось начинать почти с чистого листа. Причем к 1995 г. было уже очевидно, что новой проправительственной партии понадобится и новая идеологическая основа, отличная от построений «Выбора России», подчеркнуто дистанцировавшегося от российской цивилизационно-культурной традиции. В среде политических элит (и кремлевских политтехнологов) росло осознание того, что идеология «партии власти» должна интегрировать ряд консервативных концептов.

Неизбежность этого консервативного дрейфа объяснялась несколькими причинами. Важнейшая из них заключалась в том, что «шоковые» реформы правительства Гайдара, проводившиеся под либеральными лозунгами, привели к целому ряду негативных социальных последствий, вызвав глубокое разочарование в либеральной (точнее, квазилиберальной) идеологии у широких слоев населения. Неудивительно, что к середине 1990-х годов в недрах российской элиты созрело «понимание необходимости хотя бы частичного сдвига радикально-либерального социально-экономического курса... по направлению к некоторым консервативным ценностям... приведения курса реформ в соответствие, хотя бы частичное, с российской архетипикой, с российскими культурно-цивилизационными основаниями»¹⁰. Не следует также забывать, что апелляция к национально-государственным и историко-куль-

¹⁰ *Шестаков 2003: 148.*

турным традициям придает правящему классу дополнительную легитимность (именно поэтому, кстати говоря, в середине 1930-х годов были восстановлены некоторые элементы российской политической традиции). Более того, любой элите, даже пришедшей к власти под радикальными лозунгами, присуща консервативная тенденция, которая постепенно превращается в доминирующую. Как отмечал известный русский философ Семен Франк, захватив власть, «левые» становятся охранителями status quo, а «при длительности установившегося порядка — даже приверженцами „старого“ и „традиционного“...»¹¹. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что по мере реализации курса на максимальное сближение с США и другими странами Запада все отчетливее обнаруживалась тщетность возлагавшихся на него надежд.

¹¹ Франк 1972: 45.

Действие всех перечисленных факторов привело к тому, что уже в середине 1990-х годов российский правящий класс начал дрейф к консервативным ценностям. И хотя речь шла скорее о ситуативном консерватизме, нежели о некоей отрефлексированной позиции, связанной с соответствующей интеллектуальной и политико-философской традицией, либеральная экзальтация осталась в прошлом, и представители российской элиты все чаще артикулировали «центристские» установки.

В итоге возникла идея создания управляемого пропрезидентского парламента, который бы опирался на так называемые право- и левоцентристские партии. На роль лидера правоцентристов был выбран премьер-министр Виктор Черномырдин, а партию левого центра возглавил спикер Государственной Думы первого созыва Иван Рыбкин.

Проект Рыбкина, к которому первоначально предполагалось привлечь аграриев, социал-демократов, Федерацию независимых профсоюзов России и некоторые другие организации, потерпел полное фиаско. Проект же Черномырдина стартовал довольно успешно. 25 апреля 1995 г. премьер-министр объявил о намерении создать избирательное движение, которое бы обеспечило переход России «от разного рода встрясок и „революций“... к нормальной жизни, к стабильному устойчивому развитию»¹². Желание принять участие в его работе изъявили все члены правительства, и новое объединение, получившее название «Наш дом — Россия» (НДР), явило собой уникальный пример не просто проправительственного, но в буквальном смысле правительственного политического движения. По замыслу его создателей, правоцентристский блок должен был выражать умеренно-либеральные и вместе с тем умеренно-государственнические подходы — конечно, без всяких «патриотических» и «имперских» перегибов.

¹² *Российская газета*. 26.04.1995.

Поскольку в состав НДР на правах коллективных членов влились самые разные общественные организации — от Российского физкультурно-спортивного общества «Спартак» до Союза казаков, нет ничего удивительного в том, что его программа (принятая в сентябре 1995 г.) не отличалась ясностью формулировок. Основная задача движения фактически была сведена к установлению и сохранению «политической стабильности в России на ближайшие четыре года». Важно отметить, что в

программном документе НДР присутствовал ряд в сущности консервативных идеологем: патриотизм, сочетание преемственности и обновления, признание непреходящей ценности традиции, отвержение любых социальных экспериментов и т.д. Но само понятие «консерватизм» в программе даже не упоминалось — в то время оно еще воспринималось как синоним ретроградства и национал-патриотической оппозиции.

Целый раздел в программе оказался посвящен поискам консолидирующей «национальной идеи», определению приоритетных направлений внешней политики страны. В программе упоминались «национально-государственные интересы», но не расшифровывалось их содержание. Впрочем, в содержательном плане в разделе вообще не было ничего принципиально нового. Он представлял собой скорее набор общих лозунгов и деклараций, нежели попытку осмыслить положение России в мире с учетом изменившихся политических реалий.

Движение заявляло, что рассматривает Россию как великую державу («была, есть и будет великой»), и ратовало за отказ от односторонних уступок Западу, активизацию роли РФ на международной арене и прочную интеграцию стран СНГ под ее эгидой. «Нам глубоко чужды претензии на мировое господство или глобальное доминирование, — подчеркивалось в программе. — Но столь же решительно мы отвергаем и изоляционизм, уход от активного участия в мировой политике. Оба этих пути ведут к противопоставлению России всему остальному миру, загоняют ее в геополитический и экономический тупик»¹³. Главным приоритетом российской внешней политики объявлялось «активное и полноправное участие... в создании такого миропорядка, который реально основывается на принципах всеобщей безопасности, уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности государств, демократического выбора, соблюдения международных обязательств, защиты прав человека, взаимовыгодного экономического сотрудничества»¹⁴. Но в целом внешнеполитический раздел программы был наполнен малосодержательными и ни к чему обязывавшими сентенциями типа: «Россия — великое европейское государство. Мы — за Европу, объединенную общими ценностями, общим мироощущением. Будущее Европы в партнерстве и сотрудничестве» или «Движение выступает за равноправное сотрудничество с США, поддержание во взаимоотношениях с ними разумного баланса интересов. Выступая за укрепление российско-американского партнерства, Движение убеждено, что такие отношения между нашими странами возможны лишь в случае взаимного учета интересов друг друга...»¹⁵ и т.п.

Более или менее серьезные подвижки произошли лишь в двух направлениях. Во-первых, к числу важнейших внешнеполитических приоритетов были отнесены отношения со странами СНГ, укрепление и развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве¹⁶. Во-вторых, в программе появился раздел о «защите соотечественников», навеянный программными положениями политических конкурентов — партий и организаций патриотического толка.

¹³ Программа 1995: 43—44.

¹⁴ Там же: 44.

¹⁵ Там же: 45.

¹⁶ Там же: 47—48.

В программе НДР было зафиксировано негативное отношение к расширению НАТО на восток. «Будущее Европы в партнерстве и сотрудничестве всех расположенных здесь государств, в окончательном стирании оставшихся от прежних времен рвов и межей, — отмечалось в ней. — Обречен на исторический крах тот, кто продолжает мыслить категориями конфронтации, блокового противостояния. Планы расширения НАТО на восток не приведут к решению ни одной реальной проблемы безопасности Европы и лишь затруднят создание действительно общеевропейской модели безопасности, объединяющей все демократические государства континента»¹⁷. Ключевую роль в создании такой модели, по мнению авторов документа, была призвана сыграть Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе¹⁸.

¹⁷ Там же: 45.

¹⁸ Там же.

Несмотря на широкомасштабное использование административного ресурса, на парламентских выборах 1995 г. НДР получил всего 10,1% голосов, что фактически предопределило его судьбу. Ельцин и кремлевские политтехнологи потеряли к нему интерес. К тому же через два года после выборов не в фаворе оказался и сам Черномырдин. И хотя на протяжении всех лет работы Государственной Думы второго созыва фракция НДР выступала в ней в качестве проправительственной силы, политические и электоральные перспективы движения выглядели более чем сомнительными.

В 1998 г., после ухода Черномырдина с поста главы правительства, НДР резко активизировался, начав поиски адекватной требованиям момента идеологии. Выбор довольно предсказуемо пал на консерватизм, причем не только в силу уже упоминавшегося консервативного дрейфа постсоветской номенклатуры, но и потому, что консервативная электоральная ниша хорошо соответствовала устоявшемуся образу партии и ее лидера. В трактовке Черномырдина консерватизм означал прежде всего то, что «нельзя рушить все, процесс [развития общества] должен быть эволюционным»¹⁹. В 1999 г. была принята новая программа НДР, провозгласившая, что движение основывается на «консервативных ценностях правого центра», одной из которых является традиция (наряду со свободой и развитием). Однако внешнеполитический раздел программы почти не перерабатывался, разве что исчезли претенциозные определения России как великой державы (после дефолта 1998 г. и косовского кризиса 1999 г. это смотрелось бы просто несерьезно).

¹⁹ С верой 1999: 4.

Стоит отметить, что к 1999 г. в ходу уже была так называемая доктрина Примакова, ставившая во главу угла самостоятельность, многополярность и многовекторность внешней политики. Именно эта доктрина претендовала тогда на выражение некоего общенационального консенсуса по внешнеполитической проблематике. В этой ситуации в партийные документы НДР было включено положение о том, что движение выступает за проведение прагматичной многовекторной внешней политики, исходящей из национальных интересов страны и нацеленной на создание максимально благоприятных условий для развития российской экономики, обеспечение свободного доступа отечественных предпринимателей на мировые рынки. А в программе появился пункт о не-

²⁰ Вера 1999.

обходимости «противодействовать проявлениям гегемонизма в мировой политике, рецидивам мышления времен холодной войны, активно участвовать в формировании новой системы европейской и международной безопасности»²⁰.

Если оставить в стороне программные установки и обратиться к реальным делам лидеров НДР, в том числе на nive международных отношений, то станет ясно, что похвастаться ему было абсолютно нечем. Более того, деятельность Черномырдина в качестве посредника по урегулированию конфликта вокруг Косово в 1999 г. произвела крайне негативное впечатление на представителей аналитического сообщества, политиков самой разной ориентации и широкую общественность. С точки зрения государственных интересов России его миссия закончилась полным провалом. Союзной республике Югославии пришлось фактически капитулировать, причем на гораздо более жестких, чем предлагалось ранее, условиях, НАТО праздновало победу, а все обязательства Североатлантического альянса по отношению к России (выделение особого сектора ответственности для десяти тысячного миротворческого контингента РФ в Косово и т.д.) были быстро забыты. После этого репутация Черномырдина как самостоятельного политика была безвозвратно испорчена, и не слишком убедительная риторика партийных документов и программ уже не могла здесь ничего изменить.

На парламентских выборах 1999 г. у НДР не было практически никаких шансов, и безыскусный внешнеполитический раздел его программы был тут в общем-то не при чем. Движение лишилось неофициального статуса «партии власти», а вместе с ним утратило и тот административный ресурс, который мог бы помочь ему в преодолении 5-процентного барьера при голосовании по партийным спискам. В условиях грядущей смены караула в Кремле и выдвижения Владимира Путина кандидатом в президенты страны роль «партии власти» была перехвачена созданным с чистого листа и весьма пестрым по составу движением «Единство». После прогнозируемой неудачи на выборах (1,2% голосов) НДР оставалось лишь присоединиться к победителю.

**От централизма
к державности:
«Единая Россия»**

Очередная «партия власти» была сформирована по инициативе ряда кремлевских политтехнологов и так называемых олигархов буквально за два месяца до выборов в Государственную Думу, назначенных на декабрь 1999 г. Учредительный съезд избирательного блока «Межрегиональное движение „Единство“» (сокращенно «Медведь») состоялся 3 октября 1999 г. Блок возглавил министр по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Сергей Шойгу. Идеологией «Единства» был провозглашен консерватизм, однако представления о нем у лидеров блока были крайне туманными и неопределенными. В сущности, под консерватизмом понималось стремление к сохранению лучшего, что было создано в стране на разных этапах ее развития.

Было объявлено, что главной целью «Единства» в области международных отношений является обеспечение безопасности России и защита ее национальных интересов. По понятным причинам руководство блока не проявляло особого интереса к внешнеполитическим сюжетам, заявив, что оно полностью разделяет позицию Путина, согласно которой Россия должна строить свою внешнюю политику на основе четкого определения национальных приоритетов, прагматизма и экономической эффективности. Внешнеполитическая стратегия и тактика «Единства» базировались на примате национальных — экономических и политических — интересов России. Но поскольку содержание этих интересов не раскрывалось, декларируемые стратегия и тактика блока выглядели весьма лапидарно — как и его политическая физиономия вообще. Впрочем, популярности Путина, к политической поддержке которого постоянно апеллировало «Единство», оказалось на тот момент вполне достаточно, чтобы оно смогло набрать 23,3% голосов по федеральному списку и сформировать вторую по численности фракцию в Государственной Думе.

В феврале 2000 г. блок был преобразован в общероссийское политическое общественное движение, а еще три месяца спустя — в партию, официальной идеологией которой был провозглашен «центристский консерватизм». Важно отметить, что программные установки «Единства» были неразрывно связаны с политическим мировоззрением Путина, ключевые элементы которого (патриотизм, традиционализм, державность, государственничество, социальная солидарность, отказ от любого радикализма и механического копирования зарубежного опыта и т.д.²¹) носят явно консервативный, государственно-охранительный характер.

В октябре 2000 г. на II съезде «Единства» новое издание «партии власти» наконец обрело и свою программу. Правда, те разделы этой программы, которые были посвящены национальным интересам, национальной безопасности и внешней политике, страдали избыточной декларативностью. Партия обещала повышать авторитет России на международной арене, укреплять международную безопасность и стабильность, защищать права, свободы и достоинство российских граждан, а также «наших соотечественников за рубежом», проводить ясную и самостоятельную внешнеполитическую линию, «чуждую колебаниям внутривнутриполитической конъюнктуры», обеспечивать сдерживание глобальных угроз, добиваться усиления роли России в международных организациях и т.д. Отмечалось также, что РФ заинтересована в создании благоприятного внутривнутриполитического климата для партнерства и зарубежных инвестиций и что ей «нужны реальные программы, которые будут способствовать нашему экономическому росту»²².

Более развернутые комментарии по существу внешнеполитического курса время от времени проскальзывали в пропагандистских материалах, подготовленных под эгидой партии. Относительно подробная характеристика момента и гораздо менее обтекаемые формулировки по проблемам внешней политики содержались, в частности, в очерке

²¹ См. Путин 1999.

²² Программа 2000: 44—45.

«Единство слова и дела», посвященном популярному изложению целей и ценностей организации: «Россия находится в недружественном окружении, что до сих пор подтверждалось большим политическим и экономическим давлением на нее Запада в чеченском вопросе. Пожалуй, лишь драматические события в США 11 сентября, когда терроризм нанес Америке удар по ее финансовой и военной цитаделям, со всей очевидностью показали, что политика „двойных стандартов“ чревата даже для этой сверхдержавы»²³. Еще более откровенно говорилось об «уроках» Косова и югославского кризиса в целом: «Мы проиграли как минимум в двух направлениях. Первое — мы допустили в Европе прецедент нанесения военных ударов по суверенному государству тогда, когда это *покажется* необходимым государствам-членам НАТО ради „соблюдения прав человека“ (на деле — собственных интересов) и предотвращения „гуманитарных катастроф“... Второе — своими действиями в Югославии мы де-факто признали примат прав человека над принципом нерушимости государственных границ и территориальной целостности. Тем самым мы сузили свои возможности для отстаивания независимости своей внутренней политики на международной арене». Поэтому, чтобы предотвратить или хотя бы ослабить внешнюю угрозу, необходимо прежде всего «крепить структуры безопасности страны»²⁴. Однако судить о том, в какой мере подобного рода выводы и оценки соответствовали «генеральной линии» и в чем вообще выражалась эта линия, кроме довольно общих рассуждений относительно действий президента и правительства, было довольно сложно.

²³ См. *Единство 2001*: 76—77.

²⁴ Там же: 77—78.

Все сказанное не означает, что в рамках «Единства» не было дискуссий или внутренних противоречий. Их-то как раз хватало. Однако они носили непубличный и даже неполитический характер и разрешались традиционными для отечественной номенклатуры методами аппаратной борьбы.

После победы «Единства» на парламентских выборах встал вопрос о его взаимоотношениях с близким ему по социальной базе, политическим установкам и организационным принципам объединением «Отечество — Вся Россия» (ОВР), возглавлявшимся Юрием Лужковым и Евгением Примаковым. С учетом сложившейся на тот момент ситуации Кремль отказался от идеи двух пропрезидентских партий и стал активно отстаивать схему слияния ОВР и «Единства», которое и было осуществлено в 2001 г.

Объединение двух блоков изначально строилось на довольно аморфной идеологической основе. Размытость идейных оснований и программных установок оказалась воспроизведена и в программе объединенной партии «Единство и Отечество — Единая Россия» (2001 г.). Внешнеполитический раздел программы был заполнен общими рассуждениями о меняющейся международной обстановке и о той роли, которую в этой ситуации должна взять на себя Россия. В программе отмечалось, что сегодня человечество сталкивается с новыми и все более грозными вызовами, на которые еще только предстоит найти достой-

ные ответы, обеспечивающие утверждение на мировой арене принципов взаимоуважения и равенства, надежной коллективной безопасности. Место России в современном мире должно определяться «ее растущим влиянием, достойным званием великой державы». Ее внешнеполитический курс, защищающий национальные интересы страны и основанный на реализме, открытости и эффективности, может решающим образом повлиять на становление нового миропорядка. В связи с этим приоритетами внешней политики были объявлены:

- формирование и поддержка международной политики, направленной на повышение роли России в мире;
- участие в международных системах коллективной безопасности, защищающих мир от терроризма и экстремизма;
- развитие выгодных для России экономических отношений;
- активное участие в процессах европейской интеграции;
- защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом;
- укрепление международных общественных и гуманитарных связей²⁵.

²⁵ См. *Программа 2001*.

За счет чего и как вообще предполагается решить поставленные задачи, в программе не указывалось.

В преддверии парламентских выборов 2003 г. «Единой Россией» были приняты два новых программных документа: манифест «Путь национального успеха» (март 2003 г.) и предвыборная программа (сентябрь 2003 г.). Стоит отметить, что манифест не только ввел в оборот формулировку «партия национального успеха», но и впервые четко позиционировал ЕР в качестве консервативной политической организации. «Мы партия энергичного социального консерватизма», — отмечалось в нем.

Манифест отличался необычной даже для ЕР императивностью суждений. Так, в нем утверждалось, что «новый национальный подъем должен произойти, и теперь»; России предрекалось стремительное превращение в один из мировых центров политического и экономического влияния, культурного и нравственного притяжения и т.д. Однако в его внешнеполитической части содержались и более трезвые оценки: «Глобальный мир крайне неспокоен. В нем не осталось зон гарантированной безопасности. Пропасть между развитыми странами и зависимой периферией становится все более явной. Международному сообществу пытаются навязать правила, при которых решение глобальных проблем подчинено интересам одной, пускай и самой могущественной, мировой державы. Россия не может оставаться в стороне от этих геополитических сдвигов. Перед нею стоит задача научиться жить в таком мире, не только отражая его угрозы, но и используя предоставляемые им шансы. Россия стоит перед беспощадной альтернативой: или мы станем важнейшей и влиятельнейшей частью современного мира, или нас в него интегрируют помимо нашего желания и на условиях, к выработке которых нас не допустят. Второй вариант не только унизителен, но и опасен

²⁶ *Путь 2003.*

для будущего страны. Задача состоит в том, чтобы самим активно формировать собственное будущее, исходя прежде всего из своих национальных интересов»²⁶. Однако в чем именно состоят эти национальные интересы, на страницах манифеста не конкретизировалось. Вероятно, авторы полагали, что для проницательного читателя это и так очевидно.

²⁷ *Предвыборная программа 2003: 19.*

Раздел «Эффективная внешняя политика» предвыборной программы страдал не меньшей императивностью и одновременно отсутствием конкретных рекомендаций. «Внешняя политика России и сейчас уже весьма эффективна, однако по некоторым направлениям эту эффективность следует усилить. Речь идет прежде всего о взаимоотношениях России со странами СНГ и борьбе с международным терроризмом»²⁷. Россия «должна быть окружена поясом дружбы» и т.д. Правда, в качестве основных задач партии на грядущее четырехлетие единороссы рискнули провозгласить вполне конкретные и верифицируемые цели:

²⁸ *Там же: 20.*

- добрососедские отношения со всеми странами СНГ;
- создание международного режима «антитеррора»;
- оптимизация миграционной политики, облегчение репатриации;
- вхождение России в Шенгенскую зону к 2008 г.;
- поддержание дружественных отношений с США²⁸.

Но как последнее сочетается с недавним тезисом о столкновении интересов с мировым гегемоном, пытающимся навязать собственные правила игры на международной арене, осталось совершенно непроясненным. Равным образом не было обозначено никакой реалистичной программы интеграции России в Шенгенскую зону или внятного плана по созданию режима «антитеррора».

²⁹ *Сурков 2006а.*

Следующим этапом в развитии внешнеполитических воззрений ЕР стала концепция «суверенной демократии», разработанная в 2005—2006 гг. заместителем главы администрации президента Владиславом Сурковым. Эта концепция, ставшая ключевой идеологией «партии власти», была призвана вписать либеральные и демократические лозунги в те консервативно-охранительные тенденции, которые явно обозначились в политике Кремля в середине 2000-х годов. Основной ее тезис заключался в том, что выбор модели демократического правления, отвечающей условиям России, — дело самого российского народа. Российская демократия должна соответствовать социокультурным традициям страны, а не быть механической копией каких-либо западных образцов и уж тем более не навязываться извне. Согласно определению, данному Сурковым, «суверенная демократия» — «это образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией...»²⁹. Очевидно, что предложенная кремлевским идеологом модель была в первую очередь направлена против вмешательства Запада (откуда в адрес путинского режима все чаще раздавались обвинения в авторитарности, «трубопроводном империализме» и прочих грехах) во внутренние дела России. Она, по сути, стала ответом «партии власти» на вызов «цветных революций».

По мнению Суркова, необходимость отстаивания и укрепления суверенитета России обусловлена прежде всего тем, что в современном мире происходит процесс глобализации, выгоды от которого распределяются весьма неравномерно. «...Когда нам говорят, что суверенитет — вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас. Быть самостоятельной нацией для начала просто выгодно. Если мы не будем управлять собой сами, а передадим это все... транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям... в такой ситуации нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы. ...Просто разденут до последних ботинок, политкорректно, при всем уважении». Только суверенное государство может быть конкурентоспособным, «суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности». Россия должна быть суверенной державой также и потому, что «русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом, мы нация, привыкшая к государственности. И в отличие от наших многих друзей по Советскому Союзу и многих других стран мы всегда были носителями государственной идеи»³⁰.

³⁰ Сурков 2006б.

«Встречается мнение, — отмечал Сурков, — будто десуверенизация нашего государства никому не интересна (или нереальна). Но повсеместная и повседневная нужда в сырье и безопасности столь огромна, а здешние запасы ядерного оружия, нефти, газа, леса, воды так обильны, что излишнее благодушие едва ли уместно. Особенно если учесть, насколько возможность осознания, защиты и продвижения наших национальных интересов снижена повальной коррупцией, диспропорциями экономики и простой медлительностью мысли»³¹. Однако укрепление суверенитета отнюдь не означает самоизоляции страны, ее ухода из глобальной политики. Россия должна оставаться в числе держав, которые принимают решения по вопросам организации мирового порядка.

³¹ Сурков 2006а.

Идеи Суркова были инкорпорированы в идеологию ЕР. Россия, утверждалось в Программном заявлении, принятом в декабре 2006 г на VII съезде партии, имеет все основания претендовать на роль одного из центров мирового влияния. Развивая демократию в собственной стране, мы намерены добиваться демократизации и всей системы международных отношений. В основе этой системы должны лежать безусловный приоритет права и принцип равноправия мировых культур как базовой ценности современности. Содержался в заявлении ЕР и тезис, согласно которому историческая миссия России заключается в том, чтобы «органически соединять различные полюса мировой цивилизации, стать ведущим интеллектуальным центром современного мира», формулирующим «гуманистические ценности как мировоззренческую основу будущего мироустройства»³².

³² Россия 2006.

В предвыборной программе ЕР 2007 г. «План Путина — достойное будущее великой страны» нашли отражение важнейшие идеи предшест-

вующих партийных документов, в том числе концепты «суверенной демократии» и цивилизационной самобытности России. О последней в документе говорилось как об «уникальной цивилизации». При этом стратегической целью провозглашалось «строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации»³³. Тем самым в программных установках «партии власти» явственно звучали консервативные и державные ноты.

³³ *План Путина 2007.*

Невозможность сохранить Россию в качестве «островка стабильности» в бушующем море мирового экономического кризиса, отчетливо обнаружившаяся зависимость финансового благополучия РФ от уровня цен на энергоносители несколько усмирили воображение отечественных политтехнологов и спичрайтеров, работавших над программатикой «партии власти». Последующие программные документы ЕР не содержали каких-либо внешнеполитических новаций; более того, международная тематика не играла в них заметной роли. Это и понятно — ситуация в мире развивалась непредсказуемо. В предвыборной программе «Единой России», принятой в ноябре 2009 г., РФ характеризовалась как «великая держава в глобальном мире». Прогнозировалось, что в XXI в. ей предстоит ответить на такие вызовы, как «усиление глобальной конкуренции, милитаризация мира, истощаемость природных ресурсов, проблемы экологии и климатические изменения». Наша страна, отмечалось в программе, призвана активно участвовать в выработке принципов международного правопорядка, «отвергая как попытки навязать чуждые нам ценности и установки однополярного мира, так и попытки организовать изоляцию России. На наших глазах формируется многополярное мироустройство. Совместная задача народов — сделать его бесконфликтным»³⁴.

³⁴ *Россия 2009.*

Наконец, во внешнеполитическом разделе предвыборной программы ЕР, подготовленной к парламентским выборам декабря 2011 г., делался акцент на успехах российского руководства в сфере интеграции постсоветского пространства (формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана)³⁵. По поводу отношений РФ с другими субъектами мировой политики программа хранила молчание.

³⁵ *Предвыборная программа 2011.*

**Вместо
заключения:
совместим ли
консерватизм
с модернизацией?**

Подводя некоторые итоги, отметим, что за последние два десятилетия в России сменилось несколько «партий власти», заметно различавшихся по своему идеологическому профилю. Тем не менее вектор партстроительства в этом сегменте отечественного политического спектра был направлен в одну сторону — от либерализма к консерватизму. Каждая из вновь созданных проправительственных партий все в большей степени апеллировала к консервативным ценностям и принципам, что отражало в том числе и сдвиг настроений в правящей элите. Радикальный либерализм «Выбора России» сменился «центризмом» НДР,

а тот, в свою очередь, — консервативным охранительством ЕР. Если в начале 1990-х годов модернизация России понималась главным образом как вестернизация, то сейчас говорится о желательности «консервативной модернизации», основанной на уважении к традициям и осуществляемой в рамках «суверенной демократии».

Соответственно изменялись и внешнеполитические установки «партий власти». Постулат о необходимости возвращения России «в лоно мировой цивилизации», отстаивавшийся «Выбором России», уступил место представлению о России как о самостоятельной уникальной цивилизации. На смену западническому идеализму радикал-либералов, готовых отодвинуть на задний план национальные интересы РФ ради «демократической солидарности» с ведущими странами Запада, пришел путинский геополитический реализм.

Изначально главной, да и, по сути, единственной программной целью «Единой России» была безусловная поддержка курса Путина. Поэтому в первые годы своего существования эта партия позиционировала себя в качестве подчеркнуто неидеологизированной силы. Опиравшаяся на политический ресурс президента «партия власти» могла позволить себе не выдвигать четко артикулированных принципов и ценностей, которые подменялись квазипрагматическими программами действий, приправленными рядом широковещательных, но очевидно пропагандистских лозунгов.

Однако уже с 2006—2007 гг. в ЕР активизируются идеологические поиски, что, видимо, связано с возникновением новых вызовов российской государственности и — в еще большей степени — существующему политическому режиму. В частности, концепция «суверенной демократии», несомненно, представляла собой ответ на серию «цветных революций» в странах ближнего зарубежья и потенциальную угрозу «оранжевой революции» в самой России. Позднее источником серьезных вызовов для РФ стал начавшийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис. Так, комментируя программный документ ЕР «Россия: сохраним и приумножим!» (2009 г.), председатель Высшего совета партии Борис Грызлов отметил: «Мы посчитали необходимым именно сейчас... сделать этот партийный документ идеологическим. Это актуально еще и по той причине, что в период глобального экономического кризиса под вопрос была поставлена не только сложившаяся мировая система, но и те идеологические принципы, которые стояли за этой системой, исходя из которых она выстраивалась. Мы должны противопоставить свою идеологию не только этим, навязывавшимся России и другим странам, глобалистским идеям, но и разного рода экстремистским идеологиям, пропагандисты которых сейчас почувствовали возможность сыграть на неуверенности людей»³⁶. Активизация протестного движения в стране после декабря 2011 г. также требует от «партии власти» ясного идеологического ответа. Так что идеологизация ЕР, судя по всему, продолжится.

В какую же сторону будет сдвигаться «партия власти»? Начиная с 2003 г. единороссы публично идентифицируют себя с консерваторами,

³⁶ Грызлов 2009.

и все идеологемы, которые на протяжении последних лет выдвигаются их лидерами и теоретиками («суверенная демократия», «социальный консерватизм», «консервативная модернизация»), носят подчеркнуто консервативный характер. Вероятнее всего, этот консервативный дрейф продолжится. При этом, как представляется, идеология ЕР будет в какой-то мере сближаться со взглядами консерваторов-охранителей XIX в. с присущими им державностью, упором на отечественную авторитарно-элитистскую традицию, подчеркиванием российской самобытности и антизападничеством. Соответствующим образом будут эволюционировать и ее международно-политические установки.

В последние годы «Единая Россия» настойчиво позиционирует себя в качестве силы, способной провести модернизацию российского общества, причем модернизацию *консервативную* — не радикальную, не насильственную по методам и не нарушающую связь времен (в отличие от предшествовавших попыток подобного рода). Вообще говоря, консерватизм, как отмечали еще классики славянофильства, отнюдь не противоречит модернизации — он лишь требует, чтобы социальные преобразования осуществлялись эволюционно-органическим путем и не порывали с традицией. Более того, после Второй мировой войны и крушения тоталитарных режимов в Германии и Италии социальную и политическую модернизацию этих стран успешно провели именно консерваторы (христианские демократы). Однако существует целый ряд обстоятельств, которые ставят под сомнение модернизационный потенциал ЕР. В отличие от христианско-демократических партий ФРГ и Италии, «Единая Россия» — не народная партия, тесно связанная с гражданским обществом, а политическая организация элиты, «генеральная линия» которой определяется высшей бюрократией. Ее консерватизм нацелен главным образом на сохранение status quo и почти не опирается на отечественную консервативную традицию. Идеология нынешней «партии власти» формировалась ad hoc и, в сущности, целиком сконструирована кремлевскими политехнологами. То же самое можно сказать и о ее внешнеполитических концепциях. Поэтому у «Единой России» нет внятного представления ни о том, какой модернизационный проект необходим современной России, ни о том, какие внутри- или внешнеполитические ресурсы могут быть задействованы для превращения его в жизнь.

Библиография

- Вера — Сила — Свобода: Программа Движения «Наш дом — Россия».** 1999 (<http://socarchive.narod.ru/bibl/partii/ndr/doc/prog12.htm>).
- Грызлов Б.** 2009. Сохранить и приумножить: консерватизм и модернизация // *Известия*. 1.12.
- Единство слова и дела: О наших ценностях.** 2001. — М.
- Есть ли будущее у российских консерваторов?** 2000 // *НГ-Сценарии*. 12.01.
- Козырев А.В.** 1994. Стратегия партнерства // *Международная жизнь*. № 5.

Косолапов Н.А. 2001. Становление субъекта российской внешней политики // *Pro et Contra*. Т. 6. № 1—2.

Лукин В.П., Уткин А.И. 1995. *Россия и Запад: Общность или отчуждение?* — М.

Маколи М. 1995. Проблемы и перспективы развития консерватизма в России // *Исследования по консерватизму*. Вып. 2. — Пермь.

Никонов В., Шахрай С. 1994. *Консервативный манифест* (<http://www.polity.ru/articles/manifest.htm>).

План Путина — *достойное будущее великой страны: Предвыборная программа партии «Единая Россия»*. 2007 (<http://er.ru/rubr.shtml?110099>).

Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». 2011 (<http://er.ru/party/program/>).

Предвыборная программа политической партии «Единая Россия». 2003 // *III съезд партии «Единая Россия»*. — М.

Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия». 1995. — М.

Программа Всероссийской партии «Единство и Отечество — Единая Россия». 2001 (http://www.minjust.ru/.../programma_vserossiyskoy_politicheskoy_partii_edinaya_rossiya_.doc).

Программа Общероссийской политической общественной организации — партии «Единство». 2000. — М.

Путин В.В. 1999. Россия на рубеже тысячелетий // *Независимая газета*. 30.12.

Путь национального успеха: Манифест партии «Единая Россия». 2003 (<http://www.gazeta.ru/parliament/articles/19345.shtml>).

Родионов К.В. 2012. Упущенный шанс // *Независимая газета*. 11.07.

Россия, которую мы выбираем: Программное заявление партии «Единая Россия». 2006 (<http://old.er.ru/text.shtml?5/7336,110099>).

Россия: сохраним и приумножим! Программный документ партии «Единая Россия». 2009 (<http://old.er.ru/text.shtml?10/9535,110030>).

С верой в Россию: Российский консерватизм история, теория, современность. 1999. — М.

Сурков В. 2006а. *Национализация будущего* (http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_budushego/).

Сурков В. 2006б. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // *Московские новости*. 3.03.

Франк С.Л. 1972. *По ту сторону правого и левого*. — Paris.

Шестаков С.А. 2003. *Политический консерватизм в постсоветской России*. — М.